

Страшная минута

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1. Стр. 287 - 302.

Просторная новая терраса дачи была очень ярко освещена лампой и четырьмя канделябрами, расставленными на длинном чайном столе. Июльский вечер быстро темнел. Старый липовый сад, густо обступивший со всех сторон дачу, потонул в теплом мраке. Только листья сирени, в упор освещаемые лампой, резко и странно выступали из темноты, неподвижные, гладкие и блестящие, точно вырезанные из зеленой жести. Ни шороха, ни звука не доносилось из заснувшего сада. Несмотря на раздвинутые полотняные занавеси, свечи горели ровным, немигающим пламенем. Было душно, и чувствовалось, что в нагретом наэлектризованном воздухе медленно надвигается ночная гроза. Пахло медом, цветущей липой и бузиной.

Варвара Михайловна Рязанцева готовила на террасе с помощью горничной чай для собравшихся гостей. Перебравшись на дачу, она и ее муж не прекратили по вторникам своих интимных вечеров, которые сделались только малолюднее и теснее, потому что собирались на них исключительно дачные знакомые. Городским было неудобно ездить за пятнадцать верст на какие-нибудь три-четыре часа.

Варвара Михайловна веселыми, возбужденными глазами оглядывала стол, покрытый новой, нигде не смятой скатертью, на снежной белизне которого так приятно веселили глаз серебряные сухарницы, молочники, и ложки, и блестящие хрустальные вазы с вареньем, конфетами и фруктами. В продолжение всех четырех лет замужества она интересовалась своим небольшим хозяйством с живой и искренней любовью, свойственной молодым женщинам, привыкшим окружать мужа нежной заботливостью.

Она обожала своего мужа, несмотря на двадцатилетнюю разницу в их годах. Этот человек, известный всему ученому миру крупными работами в области бактериологии, был в частной жизни большим ребенком, болезненным, хилым, бесконечно добрым, рассеянным до анекдотической степени и деликатным до робости. Варвара Михайловна гордилась честью носить его славную фамилию неутомимого ученого и безукоризненно честного человека, но еще больше гордилась тем, что она создала для него и постоянно поддерживала комфорт и порядок семейной жизни и что сумела незаметно сделаться во всем ему необходимою: его нянькою, его памятной книжкой, его другом. И теперь, занятая хлопотливыми обязанностями хозяйки, часто с заботливой любовью поглядывала через двери в гостиную, где в углу над шахматным столиком склонилась большая, характерная голова Рязанцева с открытым шишковатым лбом мыслителя и с детскими глазами, голубыми и ясными.

Когда чай был готов, Варвара Михайловна пригласила гостей на террасу. В гостиной остались только ее муж и его всегдашний партнер, старый профессор Ильченко, оканчивавшие партию. Она подошла к ним и, облокотившись сзади на стул мужа, спросила, где они будут пить чай. Ильченко, проигравший уже две партии и теперь видевший, что никак не может защитить своего короля от ладьи Рязанцева, встал из-за стола.

-- Я положительно не в состоянии сегодня скомбинировать двух самых простых ходов,-- сказал он с досадою.-- Голова -- точно свинцовая. Вероятно, ночью будет гроза.

Он вышел на террасу. Рязанцев, весь вечер не выдавший жены, взял ее за руку и слегка притянул к себе.

-- Какая ты сегодня красавица, моя девочка,-- сказал он, ласково ей улыбаясь.

Она стояла перед мужем, легкая и грациозная, во всем пышном расцвете своей двадцативосьмилетней красоты, с высокою грудью и гибкой талией. Легкая кофточка из тонкого белого крепа, лежавшая на ней свободными складками и не скрывавшая стройных очертаний ее молодого тела, оставляла открытыми по локоть круглые и крепкие, чуть пушистые руки. У нее было нежное, матовое лицо темной шатенки; губы маленькие, полные и круто изогнутые, какие встречаются только у женщин на картинах Рубенса; большие глаза, казавшиеся вечером совсем черными благодаря расширившимся зрачкам; пышные, немного жесткие, черно-рыжеватые волосы, вьющиеся мелкими завитками на висках и на затылке...

-- Ты мной доволен, папа? -- спросила она, нежно притрагиваясь пальцами к его маленькой жилистой руке.

-- Знаешь,-- сказал Рязанцев, любуясь женой,-- мне иногда начинает казаться, что ты чересчур хороша для такого старого гриба, как я.

Варвара Михайловна покраснела. Ей было больно и неприятно слышать такие слова от него,